

П И О Н Е Р

Пионер

№ 7

Ежемесячный детский журнал
Центрального комитета ВЛКСМ

Июль
1942 г.

Издательство „ПРАВДА“

Ребята!

Каждый из вас борется сейчас за это знамя. Завоевать его будет не легко. Победят те, кто работает быстро и отлично, кто соберет больше всего овощей и хлеба, необходимых для победы Красной Армии, для выполнения приказа товарища Сталина. Всеобщий почет и уважение будет той школе, которая завоеует переходящее красное знамя ЦК ВЛКСМ.

О трудовых подвигах многих пионеров уже знает вся страна. Многие юные патриоты работают по-стахановски, ни одной минуты не теряя даром. Костя Боков из колхоза имени Ворошилова Алтайского края ежедневно выполняет норму на 250%, Люся Егорова из Перова — на 245%, Ефим Сиротин из Майского свиновхоза Новосибирской области — на 222%. Таких ребят много. Молодцы! Мы гордимся ими. Не на словах, а на деле доказали они свою преданность родине. Такие ребята победят во Всесоюзном соревновании школ.

Пионеры и школьники! Вы помогли посеять и вырастить обильный военный урожай, теперь ваш долг — быстро и без потерь убрать его. Вы остались за хозяев: ваши отцы и старшие братья сражаются сейчас на фронте. Оправдайте почетное доверие родины. Помните, что каждый дополнительно собранный пуд хлеба, картофеля, овощей — это лишний снаряд на голову врага, это помощь родной Красной Армии.

Работайте так, чтобы ни один колос не остался на поле, чтобы ни одно зерно не пропало даром!

Работайте так, чтобы слава о ваших делах дошла до бесстрашных героев-фронтовиков!

Работайте так, чтобы славное красное знамя ЦК ВЛКСМ было в ваших руках!

ТАНЯ СЛЕСАРЕВА

Повесть М. Прилежаевой

Рис. А. Брея

Весна стояла наредкость холодная. Весь май дули северные ветры, чуть не каждый день над Москвой лили дожди. Ночами иногда выпадал снег. Потом, в середине июня, точно прорвало плотину — внезапно, за один день, наступило горячее синее лето.

Где-то, за городом, зацвела запоздалая сирень.

Как только наступило тепло, мама сняла дачу. Мама всегда действовала решительно и быстро.

— В субботу, после работы, переезжаем, — сказала она отцу, — Танюшке после испытаний надо отдохнуть.

— Есть там хоть одно дерево, на этой даче, которую ты сняла? — серьезно спросил отец.

— Ты шутишь?! — удивилась мама. — Целый лес. Я хотела пересчитать сосны и не смогла: так их много.

Отец улыбнулся Тане:

— Ну, значит, на этот раз нам повезло. Танюшка, ты слышишь: дача и вокруг почти лес?

Таня знала, что мама способна преувеличивать. Три дерева могли ей показаться лесом. Но Тане все равно. Испытания прошли более чем благополучно. Даже за диктант Таня могла бы получить «отлично», если бы не случайная ошибка в иностранном слове, которого она вовсе не обязана знать. Таня имеет право радоваться жизни. Три дерева там или целый лес на этой даче, не все ли равно? Таня будет радоваться и праздновать все лето.

Она почти отличницей перешла в 7-й класс. ей уже исполнилось четырнадцать лет, папа с 1 июля получает отпуск, прошли холода, и началось, наконец, лето. Существуют тысячи поводов, чтобы чувствовать

себя счастливой. Кроме того такой уж у Тани характер: она привыкла и любит быть счастливой.

В субботу, действительно, переехали.

Только успели спружить с машины и расставить вещи, как посыпался, словно сквозь сито, мелкий, частый дождь, такой теплый, веселый и летний, что Таня не выдержала и побежала по дорожке прямо в дождь, а отец пустился ее догонять, и мама с террасы кричала им что-то, и хохотала, и не побежала за ними только потому, что боялась испортить новые светлые туфли.

Потом, после дождя, от молоденьких зеленых сосенок хлынул смолистый, густой аромат. Таня ходила вместе с отцом и мамой по песчаной дорожке взад и вперед, и мама мечтала вслух.

— Через неделю пойдем вместе в отпуск, — говорила она отцу. — Ты забудешь на месяц свои мосты. Я забуду больных. Будем лежать в гамаке. Поочередно. Впрочем, придется купить сразу три гамака. Будем лежать, смотреть в небо и читать. Что бы нам читать? Может быть, Чехова?

— Можно и Чехова, — охотно согласился отец.

Тут Таня заявила решительно, что Чехова, пожалуй, она тоже прочтет, но учебники все засунуты под буфет и ни одного немецкого перевода она не сделает летом, ни за что и ни в каком случае.

Мама сразу заволновалась.

— Нет, удивительно, что у нас такая ленивая дочь! — жаловалась она отцу. — Володя, скажи ей, чтоб она не бунтовала. Она разучится говорить по-немецки за лето.

Папа всегда мирил маму с Таней, когда они ссорились.

Свердловская областная библиотека
Городской библиотеки
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

— Она у нас не ленивая, а просто бузотер, — сказал он и обнял одной рукой маму, а другой — Таню, и Таня знала, что папа очень любит ее и маму.

Они ходили втроем по песчаной дорожке, среди душистых молодых сосенок, под звездами, и Тане хотелось ходить так без конца.

Утром Таня опять удивилась и обрадовалась лету. Она вытащила из чемсдана пестрое платье, туго заплела косу и, завязав галстук, вышла на террасу на цыпочках, чтоб никого не разбудить. Горячее июньское солнце ударило ей прямо в лицо. Таня зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела вчерашние сосенки. Умытые дождем и росой, они стояли двумя рядами вдоль дорожки, стройные и тоненькие, как девочки в зеленых платьях.

— Вот вы какие! — засмеялась им Таня.

Она села на ступеньку террасы. День только начинался, и нужно было обдумать, как его провести. Хорошо было бы что-нибудь предпринять, пока мама с папой еще не проснулись. Вдруг они приехали не в простой дачный поселок? Вдруг там за поворотом, где дорога спускается к реке, на берегу, в крутых обрывах, есть пещеры? Том Сойер всегда находил пещеры.

Скрипнула дверь, и на террасу вышла мама.

— Очень мило, — сказала она, притворяясь сердитой, — очень мило! Одиннадцать часов, а она нас не будит.

Мама повязала косынкой стриженные кудрявые волосы и взяла корзину.

— Напои отца чаем, — сказала она, — и не ждите меня, потому что сегодня я закупаю весь рынок. Будем пировать и сделаем компот из черешен, а может быть, редиску со сметаной. Ну, всего! — и она легко и быстро пошла по дорожке, размахивая корзиной.

Таня любила ухаживать за отцом. Она набила ему мелом полотняные туфли и живо вскипятила воды для бритья.

— Ты чудно хозяйничаешь! — сказал отец.

В это время диктор сообщил по радио: «Через полминуты слушайте речь товарища Молотова».

— Ого! — тихо сказал отец. — Что-то случилось.

Тане стало страшно сразу, как только раздались по радио первые слова Молотова. Она посмотрела на отца. Отец сидел, облокотившись на стол, и проводил рукой по лбу снизу вверх, как делал он, когда ему нужно было решить очень сложные вычисления для его построек, и такая глубокая морщина легла у него между бровей, что Тане стало еще страшнее. И Таня поняла: кончилось синее утро, и праздник кончился.

— Папа, — сказала она робко, когда радио смолкло, и подошла к отцу.

— Да, Танюшка, — строго ответил отец, — будем воевать!

Он взял Таню за руку, и они пошли по дорожке встречать маму.

Навстречу им промаршировал отряд красноармейцев: они тяжело и мерно ступали по земле, и лица их были суровы.

Таня ходила вместе с отцом и мамой по песчаной дорожке.

Пришлось довольно долго идти, пока наконец увидели маму. Она очень торопилась, и видно было, что ей тяжело нести полную корзину.

Папа улыбнулся ей издали не своей, чужой улыбкой. Он улыбнулся, а уголки его губ дрогнули. Наконец мама дотащила до них корзину, поставила ее на землю и прислонилась лицом к забору. Она молчала и только дышала тяжело. Тане стало очень жаль свою веселую маму.

— Мамочка, — сказала она, — не плачь. Мы разобьем фашистов.

— Я не плачу, — шопотом ответила мама и подняла на отца залитые слезами глаза. — Я знаю, что мы их разобьем.

Папа понес корзину, а мама прикрыла ее сверху газетой, как будто ей стыдно стало, что она купила курицу, черешен и редиску.

— Что же теперь делать? — спросила мама, когда пришли домой.

— Нужно поехать в город, на работу, — ответил отец. — Поедем вместе. Собирайся.

И они собрались в одну секунду.

— Танюшка, — торопливо говорила мама на прощанье, — оставайся одна, девочка. Я прошу тебя: свари себе курицу и съешь. Есть-то ведь нужно? И вообще привыкай.

Они пошли, а Таня смотрела им вслед. Высокий, широкоплечий отец, который шагал так же тяжело и уверенно, как те красноармейцы, и рядом с ним ее веселая кудрявая мама. Вот они вышли из сада, свернули к станции, и Таня осталась одна.

Сердце ее сжалось. Ей захотелось побежать за ними, закричать им вслед: «Что вы

делаете? Не уходите! Не оставляйте меня одну. Я еще не умею одна!»

Но она не побежала и не закричала. Она, как папа, провела рукой по лбу снизу вверх и пошла прибирать вещи, разбросанные мамой перед уходом.

Через три дня папа приехал на дачу протиться. Он приехал на один час. Весь этот час они сидели с мамой на диване, и папа держал мамину руку, гладил ее, и они тихо говорили. Таня присела на кончик стула да так и просидела все время, боясь пошевелиться и не спуская с папы глаз. Папа стал совсем другим в военной форме. Таня немножко робела его, и восхищалась им, и любила его, но она не решилась сказать это ему на прощанье. Она только слушала, о чем они говорили с мамой. Чудаки! О чем они говорили! О том, как мама не умела пеленать Танюшку, когда она родилась, как в студенческие годы они бегали вдвоем с папой в театр на галерку, как хорошо было прошлым летом собирать в лесу грибы и как жаль, что папа не дописал свою книгу о шоссе дорог. Таня смотрела на маму и видела, что она спокойно, почти обыкновенно разговаривает. Но она совсем не смеялась, бедная мама. Она только слабо улыбалась, через силу, как больная.

Таня повязала галстук, чтоб проводить папу на станцию. Папа расправил на ней галстук и сказал:

— Горжусь тем, что моя дочь — пионерка.

— Папа, папа! — воскликнула Таня. — А я горжусь тем, что ты у меня такой.

Больше она ничего не сказала.

Поезд показался вдали — узкий, бесшумный, неумолимо быстрый.

— Послушай, Володя, — заговорила мама торопливо и тихо, — когда это кончится, когда вы прогоните их, когда вы их уничтожите, мы будем работать не покладая рук, чтобы снова все стало попржнему. Только вернись, Володя! Обещай мне, что ты вернешься.

Поезд приближался, а мама все повторяла:

— Володя, обещай!

— Мой милый, веселый друг! — ответил папа. — Мы уничтожим их, и я вернусь. Обещаю, — потом он обнял Таню так, что ей больно стало дышать, и шепнул: — Будь пионеркой и береги мать.

И поезд ушел.

Получилось так, что Таня жила на даче одна. Мама утром уезжала на работу в больницу и возвращалась, когда заходило солнце и небо в той стороне, откуда появлялся поезд, становилось розовым и легким. Таня начинала ждать маму с утра и весь день придумывала, что бы рассказать ей вечером веселое. Но ничего веселого не придумывалось.

Таня приходила вечером на платформу, садилась на скамейку и смотрела в ту сторону, где розовело небо и откуда должен был появиться узкий бесшумный поезд.

Мимо платформы проходили к Москве

один за другим эшелоны. Они везли людей, орудия, новенькие зеленые машины, самолеты.

Таня смотрела на проезжающие мимо платформы и думала о войне, о своем отце, о всех этих людях, которые едут на фронт защищать родину.

Как-то раз один из эшелонов остановился на станции. Из вагона против таниной скамейки соскочил красноармеец. В руках у него был чайник. Красноармеец осмотрелся по сторонам и подошел к Тане.

— Слушай-ка, дочка, — сказал он, — где бы мне тут кипяточку добыть? Селедки наелся. Пить охота — страсть! До Москвы не доеду.

Красноармеец открыто и доверчиво улыбнулся Тане, у него были широкое обветренное лицо и ясные, светлые глаза.

— Эко дело! — говорил он, с озабоченным видом обращаясь к Тане. — Кипяточку-то, видать, на этой станции вовсе и нет.

— Да, кажется, нет, — сконфуженно ответила Таня, чувствуя себя виноватой в том, что не может достать красноармейцу кипятку.

— Послушайте! — воскликнула она вдруг обрадованно. — Дайте мне чайник, сейчас я достану вам воды.

Она выхватила из рук красноармейца чайник и побежала вдоль платформы. Красноармеец, опешив, растерянно посмотрел ей вслед: он видел, как мелькнули за углом платформы ее пестрое платье и толстая белая коса, и девочка скрылась из виду.

Таня, прыгая через три ступеньки, сбегала с платформы и, нещадно расталкивая локтями людей, пробралась к палатке, где продавалась вода.

— Вот вам пять рублей, — задыхаясь, сказала она продавщице, — и поскорее, пожалуйста, поскорее налейте полный чайник воды с сиропом. Побольше сиропу. Красноармейцу, понимаете? Вон из того эшелона. Пожалуйста, поскорее.

Таня так волновалась, что продавщица заразилась ее волнением:

— Сейчас, сейчас! Подождите, сиропу еще подолью.

Красноармеец сидел на скамье.

— Вот вам! — торжественно сказала Таня, чувствуя себя счастливой и думая, что бы еще сделать для этого человека, у которого такая хорошая, белозубая улыбка и ясные, доверчивые глаза.

— А я-то сижу здесь и сокрушаюсь, — ответил красноармеец, — плакал мой чайник, думаю. Без чайника в дороге последнее дело.

— Вы на фронт едете? — робко спросила Таня.

— А куда нам, дочка, теперича ехать? На фронт — одна нам теперь дорога.

— У меня папа на фронте, — сказала Таня, подсаживаясь к красноармейцу на скамью.

— Иш ты! — сочувственно ответил красноармеец. — Папа, значит. Ну вместе будем воевать. А у меня дома дочка осталась. Такая утешная девчонка. Смышленная, страсть! Раздолье у нас дома. Река. Вода вольная. Луга заливные. Сады. Как зацветут весной

Красноармеец сидел на скамье.— Вот вам!—торжественно сказала Таня.

сады, кажется, и есть не надо — воздухом сыт, — красноармеец закурил, затянулся, видимо наслаждаясь папиросой. — Утеха — дома жить!

Поезд внезапно дернулся. Красноармеец бросил докуренную папиросу и побежал к вагону, осторожно держа чайник. Таня побежала следом за ним.

— Послушайте, — кричала она. — Как вас зовут? Я вам пришлю на фронт письмо. А меня зовут Таня Слесарева. Послушайте: может, вы там папу моего встретите...

Красноармеец вскочил в вагон. Он кричал что-то Тане и махал ей рукой, но ветер относил слова, и Таня так и не расслышала, как его зовут.

И на следующий день и долго после она вспоминала красноармейца. Она думала о нем почти так же много, как и о папе.

Однажды, проводив маму на работу, Таня вытащила из-под кровати чемодан, затиснула в него белье, закрыла комнату на ключ и потащила чемодан к станции. Она немножко побаивалась мамы. Заволнуется, наверное, закричит. Придется потерпеть, пока она сердится, а потом Таня все равно останется в Москве. Нужно зайти в школу, в отряд, узнать, как они там теперь.

Москва изменилась. Переклеенные полосками материи окна домов словно ослепли. У подъездов лежали груды мешков с песком. Стояли ведра и кадки с водой. По улицам двигались танки, повозки с орудиями и шли люди в военных шинелях. У самого дома Тане встретилась группа девушек в гимнастерках, туго перетянутых кожаными ремнями. Таня остановилась и посмотрела им вслед с восхищением и завистью. Если бы Тане было не четырнадцать лет, она знала бы, что нужно делать! Но трудно жить в такое грозное время, если тебе

только четырнадцать. Будь еще она мальчишкой... Впрочем, Тане никогда не хотелось уступать в чем-нибудь мальчишкам. Самые отчаянные озорники в классе не смели дернуть ее за косу, или разрисовать промокашку, или подлить в чернильницу воды. Посмели бы они это сделать, когда Таня не хуже их поднимается на брусках и умеет прыгать на лыжах с горы! Вообще в школе она чувствует себя легко и свободно, как рыба в воде. Школа! Неужели теперь не будет ни звонков, ни уроков, ни географической карты на стене, ни учителя пения, который, говорят, ушел на войну добровольцем, ни очереди у раздевалки? Что же будет?

Но школа стояла на своем месте. На стенах в коридоре висели объявления об эвакуации младших школьников, о занятиях военных кружков, о дежурствах пожарной команды.

Таня внимательно перечитала все объявления, стараясь скрыть волнение.

«Кого бы мне сейчас встретить?» — подумала она и увидела Сережу Звягина. Сережа катил на перилах со второго этажа не потому, что хотел развлечься, а так как очень спешил. Он издали увидел Таню и приветственно махнул рукой. Таня очень обрадовалась Сереже: с ним можно посоветоваться, обо всем поговорить, узнать новости.

— Здорово! — сказал Сережа, подбегая к Тане. — Давно приехала? У тебя отец мобилизован? У меня тоже. И брат. А у Петровой отец — генерал. Не знала? Вся школа знает.

И по тому, как торопливо бросал Сережа свои вопросы, Таня поняла, что он живет активной, деятельной жизнью, полной смысла и значения, и ей захотелось так же деятельно жить.

— Тебя не эвакуируют? — спросил Сережа.

— Что ты?! — почти обиделась Таня. — Придумает тоже!

— Тогда записывайся в какой-нибудь кружок.

— А ты в каком?

— Я? Пулеметчик.

Сережа не хотел важничать, он даже отвернулся немного, будто ему совершенно безразлично было, как Таня отнесется к тому, что он пулеметчик, но Таня великолепно видела что Сережа задается.

— Записывай меня к пулеметчикам, — тоже притворяясь спокойной и равнодушной, сказала Таня.

Сережа возмутился.

— У нас в кружке нет девчонок! — ответил он обиженно. — Иди в медицинский. Знаешь, очень важно быть санитаркой.

— Не хочу санитаркой. Хочу пулеметчиком, — упрямо ответила Таня, чувствуя, что здесь, в школе, она становится прежней Таней, настойчивой, требовательной и ни в чем не уступающей мальчишкам.

Сереже казалось, что если девочки будут записываться в пулеметный кружок, то вся важность и значительность занятий пропадет и изучение пулемета не будет уж тогда серьезным делом, а превратится в детское развлечение. Он решил схитрить. Он стал уверять Таню, что все равно в кружке ничего не научишься: и пулемет устарелой системы, и очереди до него не дождешься, и инструктор часто пропускает занятия, и вообще гораздо интересней записаться в ПВХО. Но чем больше он хитрил, тем яснее становилось для Тани, что если есть в школе интересный и важный кружок, так это именно кружок пулеметчиков. И она добилась, что ее записали в пулеметчики. Она вытерпела все: и холодную отчужденность Сережи, и насмешливые улыбки других мальчишек, и предупредительную вежливость инструктора, который, объясняя, всегда спрашивал, понятно ли ей, как будто Таня была бестолковее всех остальных.

Кончились занятия кружка. Таня шла по коридору, думая о том, что теперь она владеет ручным пулеметом не хуже мальчишек, и что напрасно Сережа Звягин не хочет в этом признаться, и что хорошо бы было каким-нибудь образом доказать им всем, как они к ней несправедливы. В это время в конце коридора показалась Валентина Петровна. Таня издали заулыбалась ей, обрадовавшись и неизменной белой блузке с мужским галстуком, и порыжевшему портфелю, и особой привычке Валентины Петровны на ходу поправлять седеющие тонкие волосы. Все знакомое, прежнее. Мир устойчив. Его не так легко поколебать.

Таня вприпрыжку побежала навстречу Валентине Петровне.

— Ты здесь, Слесарева?! Тебя еще куда не отправили? — удивилась учительница.

— Даже не думали, — беспечно ответила Таня.

— Глупыш, — вздохнула Валентина Петровна.

Таня почувствовала прилив доверчивой любви к ней. Ей стало вдруг жаль Валентину Петровну за то, что у нее грустное

немолодое лицо, и прибавились морщинки под глазами, и тонкие волосы еще больше поседели.

— Передай маме, — сказала Валентина Петровна, — что вторая очередь эвакуации школьников начинается через два-три дня. Пусть приготовит вещи. Она знает.

Таня сердито перекинула косу через плечо.

— Что такое?! — с негодованием спросила. — Какие вещи? Какая эвакуация? Я никуда не поеду! Я буду с мамой в Москве.

— Глупыш, — опять вздохнула Валентина Петровна. — Страна должна сберечь своих детей. Это — распоряжение Сталина.

Она кивнула Тани головой и пошла по коридору, прямая, высокая, с седеющими тонкими волосами.

Таня побежала домой. Таня хотела увидеть маму сейчас же, сию минуту, чтобы сказать ей, что никуда не уедет, потому что не может без нее жить.

Над Москвой опустился тихий, ласковый вечер. Небо было спокойно и чуть мглисто. На западе еще рдела алая полоска зари, а на востоке уже замигала высокая, голубая, наивная звездочка. Воробьи стаями слетали на мостовую и стремительно и шумно поднимались вверх почти под самыми колесами машин. Люди возвращались с работы. Но мамы еще не было дома.

Таня с ужасом увидела, что в комнате беспорядок: вещи разбросаны, невытая посуда стоит на полу, на книгах лежит толстым слоем пыль.

«А папа сказал: «Береги маму!» — с грустью подумала Таня. — Что я делаю? Бессовестная, что я делаю?!»

Она схватила метелку и бросилась подметать пол. Она подсунула ногой под кровать все лишнее, чтоб не мешалось под ногами, спрятала грязную посуду в буфет, покрыла стол новой скатертью, вспрыснула водой цветы, чтобы они посвежели.

«Пусть придет мамочка с работы, — умиленно и нежно думала Таня, — пусть увидит, как у нас хорошо. Я ни за что никуда не уеду от нее. Господи боже мой, сколько накопилось грязных кастрюлек! Куда бы их попрятать, чтоб не мозолили глаза?»

В это время радио спокойно и почти торжественно возвестило: «Граждане! Воздушная тревога!» От неожиданности Таня присела на диван. Радио повторяло настойчиво: «Граждане! Воздушная тревога!» И сейчас же завывали сирены. Они выли протяжно и страшно. Таня все сидела на диване. У нее колотилось сердце неприятно, мелко и часто. Она пыталась застегнуть пуговицу на блузке и никак не могла с ней справиться. Пуговица не застегивалась. Ухнули зенитки. В окнах звякнули стекла. И началась прохочущая, ошеломляющая стрельба. Таня испуганно посмотрела на окна; казалось, что снаряды разрываются тут же за окнами. Потемневшее небо разрезали вспышки пла-

мени. Побежали по небу длинные щупальца прожекторов, и вдруг Таня увидела в их перекрестившихся лучах силуэт самолета. С тоской, отвращением и ужасом смотрела Таня на самолет. Она видела: самолет мечется в небе, но ослепительные прожектора схватили его в свои щупальца и не выпускают. Таня забыла свой страх. «Уйдет или не уйдет?» — думала она, волнуясь и желая в эту минуту только одного: чтобы фашистский самолет не ушел.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала мама. Она задыхалась и почти не могла говорить. Она схватила Таню за руку и потащила ее из комнаты.

— Безумная! — бормотала она, спускаясь в темноте по лестнице. — Я ее ищу в убежище, а она сидит дома, на пятом этаже. Ты знаешь, что может быть? Я умру когда-нибудь из-за тебя, Татьяна!

Они выбежали на улицу как раз в тот момент, когда зажигательные бомбы огненным дождем посыпались на крышу дома. Сгибаясь и держась ближе к стене, пробежали они несколько шагов до убежища. В убежище было очень тихо. Мама присела на скамью, посадила рядом с собой Таню и закрыла глаза. Таня увидела, что мама очень устала, что у нее бледное и совсем измученное лицо и синие круги под глазами, а уголки губ беспомощно, по-детски опустились вниз.

Сердце у Тани заняло от жалости.

— Их подбьют, мерзавцев, всех до одного, — сказала она охрипшим шепотом, потому что ей захотелось зареветь, как самой последней плаксе.

Вдруг что-то грохнуло оглушительно, казалось над самой головой; стены дрогнули — и мгновенно глубокая трещина прорезала потолок; посыпалась штукатурка. Мигнуло и погасло электричество. Раздался истерический женский крик.

— Граждане, ничего не случилось, — перекрывая крик, сказал кто-то спокойным, громким голосом.

И, повинувшись этому спокойному, хорошему голосу, женщины снова стихли. Таня нашла в темноте мамины милые усталые руки и прижалась к ним лицом. Она прижалась к маме не потому, что ей было страшно, хотя ей было очень страшно. Она так любила в эту тяжелую, прозную ночь свою маму, и бледных, притихших женщин, и смолкнувших детей, что ей захотелось пересилить, переломить свой страх. Всякий раз, когда начинали ухать зенитки и что-то прохало за стенами дома, а стены вздрагивали, как испуганный человек, Таня крепче сжимала мамины руки и говорила громко, стараясь, чтобы не прыгали губы:

— Вот еще одного молодчика сбили. Так и надо. Все равно их всех подбьют!

Мама молчала, но Таня знала, что она думает: «Молодец, Танюшка!» И ей легче оттого, что Танюшка — молодец.

Мама схватила Таню за руку и потащила ее из комнаты.

Первый же налет на Москву решил вопрос о танином отъезде. Утром на следующий день мама сходила в школу, поговорила там с Валентиной Петровной, уладила все и вернулась домой собирать вещи.

Она укладывала танины платья и белье в чемоданы, а Таня, поджав ноги, сидела на диване, расплетая и заплетая косу. После вчерашней бессонной ночи у Тани болела голова. Ей было почти безразлично, уехать или не уехать. Но по привычке она все еще сопротивлялась.

— Папа на фронте, ты в Москве, а я неизвестно где, — повторяла она мрачно.

Мама наконец не вытерпела. Она опустилась на пол возле чемодана и воскликнула в отчаянии:

— Пойми, глупая, я не могу тебя оставить в Москве! Ты мне мешаешь работать. Мне нужно делать операцию, а я думаю, как там Таня одна: а вдруг она опять сидит на пятом этаже и наблюдает в окно, вместо того чтобы бежать в убежище. И вообще не будем спорить, Таня.

Все остальное было как в тумане. Сбор в школе, потом поход пешком, колонной через весь город, потом шум и сутолока вокзала, и томительное ожидание в поезде, и звон в ушах, и торопливые мамины прощальные слова, и прустные ее, заплаканные глаза. Вдруг откуда-то взялся старый танин плюшевый мишка. Должно быть, мама принесла его из дому.

— Возьми, Таня, — шепнула она Тани на ухо. — Это папина память. Он почти твой ровесник, Танюша. Возьми и пиши мне, пожалуйста, почаще.

Потом поезд тронулся, проплыла перед глазами платформа, ушло мамино испуганное лицо.

Таня легла на скамейку и положила под голову плюшевого мишку. Скамейка закачалась, как лодка на волнах. Таня уснула. Снились ей зеленые молодые сосенки, веселый, шумный летний дождь, и она с папой идет куда-то под дождем, а мама машет им с террасы рукой и смеется...

Учись плести корзины из ивовых прутьев

П. Оксесенко

Центральная станция юных техников

Плести корзины лучше всего из однолетних прутьев ивы. Срезать прутья нужно острым ножом как можно ближе к земле.

Легко сплести полушарообразную корзину с одной ручкой. Возьмите два ивовых прута, срежьте у них тонкие верхушки, сделайте два обруча одинаковой величины, концы прутьев срежьте вкось и скрепите гвоздями или проволокой. Затем вставьте обручи один в другой накрест (рис. 1) и скрепите.

Один из обручей будет краем корзины, а другой — основой дна и ручкой. Наложите тонкий и гибкий прут на месте скрещения обручей с левой стороны вплотную и прикрепите конец прута гвоздиком. Затем правой рукой загните прут вниз за поперечину, проведите позади ее и выведите в левом нижнем углу. Теперь проведите прут с лицевой стороны в правый верхний угол, загните за верхнюю часть креста, проведите сзади него, выведите в верхнем левом углу и уло-

жите в правый нижний угол с лицевой стороны кверху. Потом загните прут за правую поперечину креста, проведите сзади ее в правый верхний угол, опять с лицевой стороны ведите в левый нижний угол, загните за нижнюю часть креста, проведите сзади в верхний левый угол, как показано на рис. 2. Сделайте так шесть рядов.

Скрепив обручи, возьмите 8—10 прутьев одинаковой толщины, равных по длине половине длины обруча. Концы прутьев срежьте лопаточкой и вставьте по 4—5 прутьев с каждой стороны в углы между ручкой и краем корзины. Это будут стояки. Поперек них плетите борты корзины, как показано на рис. 3. Когда дойдете до половины обруча, начинайте плести от противоположного угла, пока оба плетения не сойдутся вместе.

Можно сплести другую, круглую корзину. Возьмите 9 прутьев одинаковой длины, сложите

их накрест: четыре прута положите рядом, а пять — поперек. Скрепите их более тонким прутком, прочно оплетая верхние пять прутьев. Сплетенные прутья расправьте руками так, чтобы было одинаковое расстояние между лучами (рис. 4).

Плетите, продевая прутья, как показано на рисунке. Чтобы они ложились теснее, сбивайте их деревянным молотком. Последние два — при рядя ведите в два прута: крепче будет дно. Когда кончите плести, стояки загните кверху и концы схватите обручем. Привяжите его бичовкой к нескольким стоякам.

Стенки плетите так же, как и дно, перекладывая поперечные прутья поочередно через стояк основы с одной и с другой ее стороны (рис. 5).

Для ручек оставьте незагнутыми по 2 или 4 стояка на двух противоположных сторонах верха корзины. Скрутите эти стояки в жгут и концы вплетите в стенки корзины.

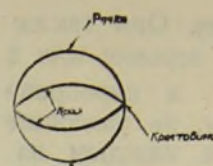

Рис. 1.

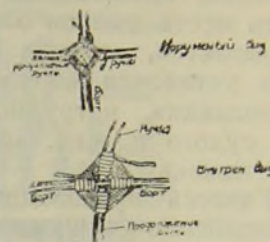

Рис. 2.

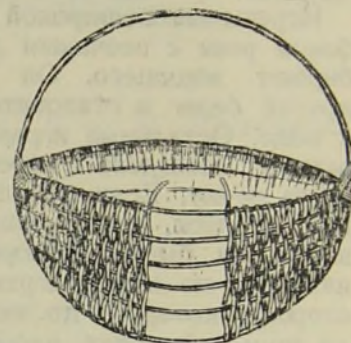

Рис. 3.

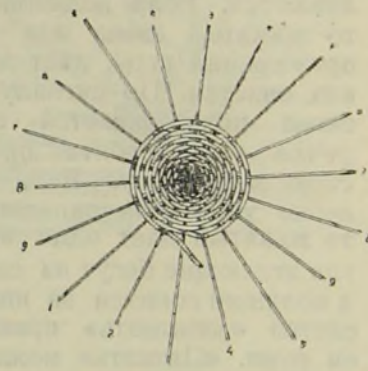

Рис. 4.

Рис. 5.

СОДЕРЖАНИЕ

Таня Слесарева.—Повесть М. Прилежаевой	
Рис. А. Брея	1 стр.
Вместе с отцами.—Ребята в дни отечественной войны	11 "
„Трофей“.—Батальонный комиссар А. Поляков.	
Рис. Б. Преображенского	17 "
13 минут.—Лев Успенский. Рис. Г. Нисского	20 "
О чем рассказали следы.—Подполковник Н. Баканов. Рис. О. Верейской	26 "

Шурочка.—Н. Шихеев	33 стр.
Сберечь каждый колос, каждое зерно—Академик И. В. Якушкин	39 "
Сельскохозяйственная школа „Пионера“	40 "
Водные переправы.—М. Черевков. Рис. Л. и Н. Кравченко	46 "
Учись плести корзины из ивовых прутьев.—П. Оксесенко	48 "

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. А.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 804, телефон Д 3-30-73

Подписано к печати 6/VIII 1942 г.

Изд. № 624.

А 61447

82×110

1/16 бум. листа

76 000 печ. зн. в печ. листе

3 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1865. Тираж 50 000.